

ИРКУТСКІЯ Епархіальныя Вѣдомости.

ВЪЗВѢЩЕНІЕ ПРАВИТЕЛЯ.

Цѣна за годовое
изданіе: въ Ир-
кутскѣ—5 р., съ
пересылкою по
почтѣ 5 р. 50 к.

Подписка при-
нимается искл.
въ Редак. Иркут.
Епарх. Вѣд. на
Жандармск. ул.,
въ д. Кочетковой.

ноября 18

1889 г.

№

46.

СОДЕРЖАНІЕ. Распоряженія епархіальнаго начальства.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Опредѣленіемъ Иркутскаго епархіальнаго начальства, со-
стоявшимся на 1—3 ноября с. г., крестьянинъ Феодоръ Ки-
рилловъ Усовъ утвержденъ въ должности церковнаго старосты
къ Бирюльской Покровской церкви, на трехлѣтіе съ 1890 г.
по 1892 годъ.

Псаломщикъ Шелопугинской Покровской церкви Апол-
линарій Литвинцевъ, согласно его прошенію, преосвященнѣй-

шимъ Макаріемъ, епископомъ Селенгинскимъ, 22 октября с. г., рукоположенъ во діакона къ Успенской церкви села Монастырскаго Нерчинскаго округа.

—
 Определеніемъ Иркутскаго епархіальнаго начальства, состоявшимся на $\frac{30 \text{ октября}}{1 \text{ ноября}}$ с. г., утверждены въ должности церковныхъ старостъ къ слѣдующимъ церквамъ: къ приходской Шамановской Архангельской—крестьянинъ Теодоръ Часовитинъ; къ Большекинской Ильинской приходской—крестьянинъ Адрианъ Косьминъ Татаринъ; къ приписной Большепанинской Иннокентіевской—крестьянинъ Аѳанасій Бѣломѣстныхъ; къ приписной, прихода Громовской Петропавловской, Верхнебаяновской Троицкой церкви—крестьянинъ Михаилъ Ведерниковъ; къ приходской Падунской Зосимо-Савватіевской—крестьянинъ Михаилъ Дубининъ; къ приписной Усть-Выхоревской Петропавловской—крестьянинъ Іоаннъ Чупинъ; къ приписной Ильинской Троицкой—крестьянинъ Іоаннъ Дубининъ; къ приписной Московской Кирилло-Іулитской—крестьянинъ Тимофей Московскихъ; къ приходской Братско-Острожной Богоявленской—крестьянинъ Іоаннъ Муратовъ; къ приписной Филипповской Петропавловской—крестьянинъ Иларіонъ Карнауховъ и къ приходской Кежемской Николаевской—крестьянинъ Григорій Усовъ, на трехлѣтіе съ 1890 по 1892 г.

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ ИРКУТСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

ноября 18 № 46. 1889 года.

СОДЕРЖАНІЕ: Рѣчи преподавателей Духовной Семинаріи и Духовнаго Училища, бывшихъ воспитанниковъ Я. И. Стукова, сказанныя при его погребеніи. — Объявленіе.

Рѣчи преподавателей Духовной Семинаріи и Духовнаго училища, бывшихъ воспитанниковъ Я. И. Стукова, сказанныя при его погребеніи.

Пройдетъ еще нѣсколько минутъ и мы никогда уже болѣе не увидимъ дорогой намъ прахъ человѣка, посвятившаго всю свою жизнь и всѣ свои силы на служеніе воспитавшему многихъ изъ насъ учебному заведенію въ продолженіи болѣе, чѣмъ четверти столѣтія. Не протрубаютъ о его смерти повсюду, какъ о смерти великихъ міра сего; за то о немъ останется самое теплое воспоминаніе въ сердцахъ его бывшихъ сослуживцевъ и особенно его учениковъ и, кто знаетъ, быть можетъ, это воспоминаніе будетъ для него болѣе пріятно, чѣмъ весь шумъ праздныхъ людей, шумъ, который также быстро и безпричинно стихнетъ, какъ быстро и безпричинно начался. А помянуть Якова Ивановича всѣмъ намъ, находившимся къ нему въ близкихъ отношеніяхъ, кто

ученика, кто сослуживца, добрымъ словомъ есть за что. Правда, онъ не принадлежалъ ни къ числу тѣхъ людей, которые указываютъ человѣчеству новые идеалы, открываютъ ему новые пути, не принадлежалъ къ числу и тѣхъ, мишурный блескъ которыхъ производитъ обаяніе на массы, но за то онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ, которые, не гонясь за почестями, не задаваясь ефимерными мечтами передѣлать по своему міръ, тихо и честно выполняютъ частицу общечеловѣческаго дѣла, выпавшую на ихъ долю. Тиха и, пожалуй, однообразна бываетъ жизнь такихъ людей; не говорятъ они громкихъ словъ, не изобрѣтаютъ міровыхъ идей, составляющихъ эпохи въ жизни человѣчества, имена ихъ не записываетъ исторія, но тѣмъ не менѣе дѣятельность ихъ также необходима въ дѣлѣ человѣческаго развитія, какъ и дѣятельность міровыхъ гениевъ, потому что, если послѣдніе подобны хозяевамъ, то первые — работникамъ, честно исполняющимъ ихъ предначертанія и планы. А таковъ именно былъ и Яковъ Ивановичъ. Тиха была его жизнь, никому не бросалась въ глаза его дѣятельность, да онъ и самъ никогда не выставлялъ ея на видъ, довольный однимъ лишь сознаниемъ, что дѣлаетъ дѣло; не произносилъ онъ громкихъ словъ, имя его не запишетъ исторія, но тѣмъ не менѣе никто не скажетъ, что Яковъ Ивановичъ напрасно бременилъ землю; напротивъ каждый знавшій его долженъ будетъ сознаться, что дѣятельность его была въ высшей степени полезна, полезна какъ дѣятельность честнаго и добросовѣстнаго работника, въ продолженіи болѣе 25 лѣтъ руководившаго дѣломъ воспитанія нѣсколько сотъ молодыхъ людей. И нужно сказать, что Яковъ Ивановичъ умѣлъ вести это дѣло такъ, какъ можно пожелать всякому. Всегда ровный и спокойный, онъ рѣдко

горячился, рѣдко выходилъ изъ себя и что всего главнѣе, не переходилъ къ новому дѣлу, не покончивъ со старымъ и никогда не начиналъ ничего новаго, что не вязалось бы съ предыдущимъ. А это было причиною того, что не было ни одного его распоряженія, которое не исполнялось бы подчиненными, не было ни одного указа высшей власти, который своевременно не былъ бы приведенъ въ исполненіе. И благодаря всему этому, Семинарія наша стояла всегда въ дисциплинарномъ и нравственномъ отношеніи на такой высотѣ, что лучшаго ничего не оставалось желать. Словомъ, Яковъ Ивановичъ умѣлъ крѣпко держать бразды управленія. Но если во всемъ сказанномъ онъ походилъ на людей его типа, то въ немъ было и кромѣ того еще нѣчто, что дѣлало его личность еще болѣе привлекательною и что составляло лишь его личное качество. Это нѣчто была его сердечность. Дѣло въ томъ, что всѣ люди того типа, къ которому принадлежалъ Яковъ Ивановичъ дѣлятся на два разряда: одни изъ нихъ бывають строгими исполнителями буквы закона, строгими настолько, что личность ихъ совершенно ступшевывается и они являются лишь ходячими сборниками правилъ и параграфовъ закона, другіе же напротивъ смотрять на законъ, каеъ на норму и въ области этой послѣдней допускають возможность участія личнаго чувства. Къ этому послѣднему разряду принадлежалъ и покойный. Правда, когда я былъ еще ученикомъ, намъ казалось, что Яковъ Ивановичъ былъ слишкомъ строгъ, слишкомъ держался буквы закона, но это воззрѣніе составилось у насъ подъ вліяніемъ минуты и скоро должно было разсѣяться, когда пришлось встрѣтиться съ настоящими людьми буквы. И если не ясно, то инстинктивно это чувствовали и мы, потому что, считая

Якова Ивановича какъ бы своимъ врагомъ, шли къ этому врагу въ трудныя минуты жизни и онъ никогда не отказывалъ намъ ни въ совѣтѣ, ни въ помощи. Строгими намъ казались и его наказанія, но опять же мы смутно сознавали, что Яковъ Ивановичъ наказывалъ насъ не для того, чтобы наказать, а чтобы исправить насъ этими наказаніями и, думается, что ему слишкомъ тяжело было рѣшительно наказывать тѣхъ, на кого исправительныя наказанія уже не дѣйствовали. Часто также казались намъ мелочными его многія требованія, но послѣ пришлось сознаться, что всѣ эти требованія были результатомъ его заботливости о насъ, потому что имѣли цѣлью пріучить насъ къ порядочности и серьезному отношенію къ дѣлу. Словомъ, Яковъ Ивановичъ былъ не только начальникомъ, но любящимъ и добрымъ руководителемъ, руководителемъ, который хотя и не заигрывалъ съ нами, но за то и никого не мучилъ сентенціями избитой морали, къ которымъ любятъ прибѣгать многіе и которыми могутъ не исправить, но истомить и обозлить виновнаго. И кто знаетъ, можетъ быть, добрая половина изъ сотенъ его питомцевъ вышла на настоящую дорогу и сдѣлалась порядочными людьми благодаря именно частію заботливости, а частію привлекательности нравственной личности покойнаго и теперь съ теплымъ чувствомъ и отъ души помянетъ его добрымъ словомъ. Таковъ былъ Яковъ Ивановичъ по отношенію къ ученикамъ. Таковъ же былъ онъ и по отношенію къ своимъ сослуживцамъ. Та же сердечность и участіе, которыя проглядывали въ его отношеніяхъ къ ученикамъ въ еще большей степени проглядывали въ его отношеніяхъ къ сослуживцамъ. Довольно сказать, что всегда и всѣмъ онъ готовъ былъ помочь и словомъ и дѣломъ, и при этомъ всегда былъ

любезенъ, и предупредителенъ. Но кромѣ того по отношенію къ послѣднимъ, онъ обладалъ еще однимъ неоцѣненнымъ качествомъ: отсутствіемъ заносчивости и тщеславія. Человѣкъ заслуженный и опытный въ педагогическомъ дѣлѣ, онъ никогда не тщеславился ни своими заслугами, ни своею опытностію, но высказывалъ свое мнѣніе тогда только, когда его просили о томъ. И мы лишились этого человѣка! Утрата по истинѣ тяжелая, невозвратимая и быть можетъ, незамѣнимая!

Конечно, и Яковъ Ивановичъ, какъ и всякій человѣкъ не чуждъ былъ въ своей дѣятельности ошибокъ, а въ характерѣ его были нѣкоторыя тѣневныя стороны, но относительно первыхъ нужно сказать, кто же изъ людей безъ грѣха, хотя бы и одинъ день житія его на земли, а что касается послѣднихъ, то не намъ и не въ этотъ часъ, часъ послѣдней и вѣчной разлуки, осуждать его, потому что онъ предсталъ предъ болѣе высокимъ и мудрымъ Судіей, Который знаетъ не только наши дѣла, но и мысли и Который потому лучше насъ оцѣнитъ его и его поступки. Наше же дѣло молиться чтобы Онъ помиловалъ его и вселилъ его въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ покойнѣ, идѣже вси праведни упокоются! Аминь.

Свящ. Иннок. Подгорбунскій.

Дорогой воспитатель!

Не въ пору бодрости, и здоровья не въ радостный для тебя и для всѣхъ насъ день недавняго чествованія 25-лѣтія служенія твоего на педагогическомъ поприщѣ пришлось мнѣ обратиться къ тебѣ съ признательнымъ словомъ: болѣзнь тогда лишила меня возможности благовременно исполнить этотъ отрадный долгъ. Теперь—стою передъ тобою въ скорби: твой взоръ погасъ, уста сомкнулись; въ бездыханномъ тѣлѣ

ужь не будетъ биться радостно сердце, въ умѣ уже не пробудить отраднаго сознанія, что питомцы твои хранять благодарную память о тебѣ... Чтоже? Къ чему теперь признательность? Къ чему похвалъ ненужный хоръ?» Твоя скромность и при жизни чуждалась этого, и при жизни ты едва ли нуждался въ какой-либо внѣшней поддержкѣ при многотрудномъ исполненіи своего долга; кромѣ твердаго сознанія святости самаго долга; къ чему-жь теперь тебѣ—безстрастному слова горячаго сочувствія, признательности, благодарности?.. Дорогой Яковъ Ивановичъ! Уже давно сказано: *отъ избытка сердца уста глаголютъ*,—а сердце читателей твоей памяти не можетъ не преисполниться глубокой скорбью при видѣ твоей смерти, при видѣ осиротѣвшихъ питомцевъ Семинаріи и твоего семейства, лишившагося въ тебѣ послѣдней опоры. Кромѣ того, кто знаетъ?—Быть можетъ, надгробное слово о тебѣ живѣй запечатлѣетъ твой незабвенный образъ въ сердцахъ многочисленныхъ учениковъ твоихъ и въ минуту испытаній оныя послужить для нихъ путеводною звѣздой на пути чести и долга, завѣщаннаго тобой....

Не легкое занятіе—*трудный подвигъ* дѣтководительства избралъ ты своимъ удѣломъ, глубокоуважаемый нашъ воспитатель. Чтобы достойно и успѣшно руководить юношествомъ, нужно быть тонко и всесторонне развитымъ, должно глубоко изучить духовно-нравственную природу чловѣка и индивидуальныя особенности каждаго питомца въ частности. Задача не легкая. Но, безъ сомнѣнія, еще труднѣе нежели изученіе, самое руководство чловѣкомъ *хитрейшимъ* изъ всѣхъ живыхъ существъ, по мысли одного изъ богопроевѣщенныхъ отцевъ церкви: а хитрость и обманъ, не рѣдко проявляющіеся даже въ нѣжномъ дѣтскомъ возрастѣ, не чужды и юношеской

«благородной» натурѣ... Помимо всего этого — въ высшей степени нужно обладать педагогическимъ тактомъ, чтобы, съ одной стороны, ради многоразличныхъ индивидуальныхъ особенностей питомцевъ не поступиться послѣдовательною своею воспитательной системы и не заслужить упрековъ въ пристрастіи, несправедливости; съ другой — чтобы не впасть въ пренебреженіе личностью воспитанника и не обратить воспитанія въ страшное «прокрустово ложе», беспощадно ломая, вытягивая и калѣча всѣхъ, не укладывавшихся подъ извѣстную мѣрку. — Но не обладаніе природнымъ педагогическимъ тактомъ и богатыми духовно-нравственными способностями, какъ дарованіями, составляетъ то, можно назвать дѣйствительно подвигомъ въ дѣлѣ воспитанія. Подвигъ — въ дѣлѣ воспитанія составляетъ тотъ постоянный бдительный и неуклонный надзоръ за ежедневнымъ поведеніемъ воспитанниковъ, благодаря которому воспитатель могъ бы, не стѣняя законной свободы учениковъ, своевременно предупредить возможные въ томъ или другомъ случаѣ ихъ проступки, неисправность и т. п.; подвигъ — это аккуратное и добросовѣстное выполненіе всѣхъ, повидимому мелочныхъ и скучныхъ, но тѣмъ не менѣе необходимыхъ требованій инструкцій; — это наконецъ, постоянная готовность удовлетворять по возможности всѣмъ ежедневнымъ многочисленнымъ и докучливымъ потребностямъ лицъ, подвѣдомственныхъ инспекціи. Много нужно имѣть силы духа, умѣнья, аккуратности, чтобы подъ давящимъ бременемъ этихъ мелочей и безпокойствъ не опуститься, не надорваться, не впасть въ безысходную апатію.

Какъ же ты, достоуважаемый Яковъ Ивановичъ, справлялся со всѣми указанными затрудненіями? Да не оскорбится

скромность твоя моими словами. Магистръ богословскихъ наукъ, съ свѣтлымъ умомъ и обширною памятью, — съ характеромъ, что называется, выдержаннымъ, во всемъ методичный и — можно сказать — образецъ порядка и аккуратности, человѣкъ съ многолѣтнею педагогическою опытностью съ энергіей и твердой животворной вѣрой въ свое дѣло: ты былъ вполне достойнымъ и честнымъ носителемъ своего весьма высокаго — съ гуманной точки зрѣнія — и почетнаго званія. Отъ природы проницательный, ты обогатилъ себя основательными психологическими и педагогическими свѣдѣніями, благодаря наблюдательности, чтенію и преподаванію въ разное время педагогики, психологіи, философіи, св. Писанія и многихъ другихъ предметовъ семинарскаго курса. Твоя духовная педагогическая опытность простиралась иной разъ до нѣкотораго рода прозорливости: многіе изъ твоихъ питомцевъ слышали отъ тебя правдивыя слова о томъ, что выйдетъ изъ нихъ впоследствии, во что разовьется та или другая слабость, подмѣченная въ нихъ тобою. Думаю, что иные теперь не рѣдко вспоминаютъ твое слово... Быть можетъ, были случаи и не оправданныхъ питомцами надеждъ твоихъ и ожиданій; но человѣку и не даю безусловнаго постиженія природы другаго человѣка: *кто бо вѣсть отъ чловѣка, яже въ чловѣцѣ* (I Кор. II., 11 ст.); обстоятельства жизни также могутъ иногда совершенно измѣнить характеръ и направленіе человѣка. Тѣмъ разительнѣй примѣры почти всегда оправдываемой въ жизни вѣрности твоей оцѣнки. Не даромъ питомцы дорожили и дорожатъ твоимъ добрымъ мнѣніемъ о нихъ, возвышавшимъ ихъ въ собственныхъ глазахъ.

Для успѣха въ дѣлѣ духовнаго руководства ты прежде всего старался создать ту духовно-нравственную *среду*, тотъ «духъ заведенія», духъ нравственнаго самосуда, благодаря которому уже не могло быть почвы для необузданнаго своеволія и уклоненій отъ нормы, — создать тотъ духъ, подъ вліяніемъ котораго воспитанникъ, совершившій какой-либо предосудительный поступокъ, терзался раскаяніемъ и стыдомъ не только предъ судомъ инспекціи, но и предъ товарищами. Эта спасительная атмосфера предохраняла питомцевъ отъ всего грубо оскорбительнаго для нравственнаго чувства. На этой почвѣ легко уже было сѣять и собирать желанные плоды твоимъ помощникамъ по должности — надзирателямъ.

Средствомъ педагогическаго воздѣйствія для тебя служили не наказанія, не строгія мѣры взысканій, нѣтъ: руководя питомцами средне-учебнаго заведенія уже съ пробудившимся самосознаніемъ и чувствомъ человѣческаго достоинства, — ты твердо вѣрилъ въ силу *живаго, сердечнаго слова* и восприимчивость юношеской природы ко всему доброму, справедливому, благородному. Совѣтъ предостереженія, указанія, выговоръ — вотъ чѣмъ ты вліялъ на учениковъ. Съ каждымъ ты думѣлъ заговорить понятнымъ ему языкомъ и въ душѣ каждаго — найти отзвукъ своимъ словамъ. Воспитанникъ, провинившійся въ чемъ-либо или подъ впечатлѣніемъ самолюбиваго задора приходившій къ тебѣ «объясниться» по какому-нибудь вопросу, — уходилъ обратно подавленный стыдомъ за свой проступокъ, съ внутреннимъ сознаніемъ своей неправоты, съ пробудившимся желаніемъ и повышенной энергіей къ честному исполненію своего долга и обязанностей. Взысканія, какія приходилось налагать тебѣ для регулированія слабой воли воспитанника, принимались послѣднимъ уже безъ всякаго

раздраженія, не какъ пеходяція отъ тебя, а какъ прямыя слѣдствія его собственнаго поведенія. Нечего и говорить, что взысканія эти были всегда гуманны, чужды чего-либо грубаго и недостойнаго. Въ наказанію въ собственномъ смыслѣ — удаленію изъ заведенія (когда исправленіе или окончательное паденіе человѣка уже не зависѣло отъ семинарской инспекціи) ты рѣшался прибѣгать лишь въ крайнихъ случаяхъ.

Образцовые порядки, заведенные тобой въ здѣшней Семинаріи, ты поддерживалъ не однимъ своимъ гуманнымъ попеченіемъ и силою авторитета, но главнымъ образомъ — своимъ примѣромъ. Ты былъ первымъ и самымъ аккуратнымъ исполнителемъ всѣхъ строгихъ предписаній инструкціи. Утромъ послѣ звонка ты обходилъ по спальнямъ, чтобы разбудить безпечныхъ, неопустительно присутствовалъ на утренней и вечерней молитвѣ и при Богослуженіи, неоднократно въ теченіи дня обходилъ комнаты для занятій, и до поздняго вечера не успокоивался, пока, обойдя послѣдній разъ спальни учениковъ, не увѣрялся, что всѣ уже утомонились. Если тебя можно назвать и, быть можетъ, называли иные строгимъ инспекторомъ, то никакъ не въ смыслѣ извѣстной нравственной жесткости въ отношеніи къ питомцамъ, для которыхъ ты былъ добрымъ совѣтникомъ, отцемъ, а только въ смыслѣ дѣйствительно строгаго отношенія къ самому себѣ, къ своему долгу, обязанностямъ. Это — дѣйствительно подвигъ, который не липине, да и слѣдуетъ намъ имѣть всегда передъ глазами. Отъ исполненія своихъ обязанностей ты не былъ свободенъ даже въ часы домашняго досуга, и въ это время съ готовностью и безъ тѣни неудовольствія ты удовлетворялъ и важнымъ и мелочнымъ нуждамъ лицъ, имѣвшихъ до тебя дѣло.

При всей своей многочисленности, скучно (однообразны и надоедливы эти ежедневныя беспокойства и постоянныя тревоги. (Не буду утомлять перечисленіемъ ихъ). Только иногда болѣзнь надорваннаго не легкой службой организма освобождала тебя на нѣкоторое время отъ бремени твоихъ обязанностей. Но и тогда твой духъ царилъ въ Семинаріи и тогда заведенный тобою порядокъ неослабно поддерживался главнымъ образомъ твоимъ именемъ и авторитетомъ. Всегда до послѣднихъ лѣтъ ты былъ на своемъ посту по истинѣ свѣтильникомъ и столпомъ Семинаріи. . . И на этомъ трудномъ поприщѣ воспитателя, ты съ энергіей и терпѣніемъ подвизался 18 лѣтъ, пробывъ до этого 9 лѣтъ преподавателемъ. Всю лучшую пору жизни до конца дней своихъ ты посвятилъ дѣлу образованія и воспитанія юношества и хранилъ живую вѣру въ это святое дѣло. Ты вправѣ сказать вмѣстѣ съ св. апостоломъ Павломъ: *подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончавъ, вѣру соблюдохъ* (2-е посл. къ Тимоѳ. IV гл. 7 ст.).

Что-жь, какую награду получилъ ты за свои многолѣтніе труды? Никакой особенной, видимой для всѣхъ. Разстроенное здоровье, сидячая, почти безвыходная и безвыѣздная жизнь, недостатокъ въ средствахъ, чтобы имѣть возможность хотя лѣтомъ подышать вольнымъ воздухомъ, пожить гдѣ-либо на новомъ мѣстѣ, а не въ этой однообразной томящей обстановкѣ, наконецъ—преждевременная смерть и по смерти—ничего, кромѣ пенсіи, для достаточно обеспеченнаго существованія твоего семейства, вотъ что прежде всего и рѣзко бросается въ глаза. Но тѣмъ выше, честный труженикъ, твой безкорыстный, безвѣстный, скромный подвигъ. Однако ты не былъ лишенъ и утѣшенія. Ты трудился на нивѣ

духовной и *жилъ духомъ*, много читалъ, много размышлялъ; въ рѣдкихъ случаяхъ, выпавшихъ на мою долю быть твоимъ собесѣдникомъ, ты интересовывалъ и философскимъ трезвымъ взглядомъ на вещи, и наблюдательностію, и своей начитанностію: а жизнь духовная не лишена своихъ радостей, своей награды. Ты *жилъ идеєю труда и пользы* на избранномъ тобою поприщѣ, — и нельзя сказать, что ты не имѣлъ высокаго удовольствія видѣть не скудные плоды трудовъ своихъ. За примѣромъ ходить не далеко: ты имѣлъ его всегда передъ глазами — у себя, въ своемъ семействѣ... Ты не собиралъ сокровищъ на землѣ, — но ты оставилъ драгоцѣнный духовный залогъ въ сердцахъ своихъ многочисленныхъ питомцевъ и — среди своихъ присныхъ. Ты, живя, страдалъ тѣлесными недугами и, наконецъ, въ болѣзни умеръ, — но посѣянные тобою идеи долга и чести, справедливости и нравственнаго мужества не умрутъ съ тобою. За все то благо, какое ты успѣлъ совершить на своемъ вѣку, да исполнятся на тебѣ и послѣдующія слова апостола Павла: *прочее убо соблюдается мнѣ вънецъ правды его — же воздастъ ми Господь въ день онъ, Праведный Судья* (2 Тимов. IV, 8). Да будетъ вѣнецъ небесный послѣдней и высшей наградой тебѣ, безкорыстный, самоотверженный, горячо преданный и добре подвизавшійся труженикъ!

Бывшій питомецъ Якова Ивановича Стефанъ Стуковъ.

11 Сентября 1889 г.

О ВЪ Я В Л Е Н І Е .

О Т Е Р Ы Т А П О Д П И С К А Н А 1890 г .

н а е ж е н е д ѣ л ь н ы й

и л л ю с т р и р о в а н н ы й ж у р н а л ь д л я ч т е н и я в ь х р и с т и а н с к о й с е м ь ѣ

„ В О С К Р Е С Н Ы Й Д Е Н Ъ “ .

А д р е с ь р е д а к ц и и : М о с к в а , К о ж е в н и к и , д о м ь Т р о и ц к о й ц е р к в и .

П р о г р а м м а ж у р н а л а :

I . Л и т е р а т у р н ы й о т д ѣ л ь .

1) О черки и рассказы изъ истории библейской, общей, русской церковной и гражданской.

2) Жизнеописанія служителей Христовой истины, воспоминанія о нихъ, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни.

3) Исторія христіанскаго Богослуженія и его значеніе.

4) Исторія христіанскаго искусства и современное его состояніе.

5) Путешествія, описанія святыхъ мѣстъ Востока и русскихъ святынь.

6) Подвиги проповѣдниковъ Евангелія на окраинахъ русской земли и за предѣлами оной. Описаніе быта, нравовъ и вѣрованій инородцевъ.

7) Христіанское вѣроученіе и правоученіе. Благодатныя явленія вѣры. Стихотворенія. Духовно-правоучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. Духовныя размышленія, стихотворенія.

8) Религіозно-нравственная оцѣнка художественныхъ произведеній свѣтской литературы.

9) Церковно-бытовая жизнь: повѣсти, рассказы, дневники, записки, воспоминанія изъ церковно-бытовой и религіозно-нравственной жизни.

10) Извѣстія и замѣтки о текущихъ явленіяхъ духовно-общественной жизни какъ въ Россіи, такъ и за границей.

11) Библиографія. Новыя книги и журнальныя статьи съ критическими замѣчаніями на нихъ.

II. Иллюстраціи.

1) Изображенія Св. угодниковъ Божіихъ, виды Св. мѣстъ, обителей, храмовъ съ ихъ святынями, снимки съ иконъ и разныхъ предметовъ церковной утвари.

2) Портреты служителей христіанской истины, какъ прошлаго, такъ и настоящаго времени: преосвященныхъ архипастырей, пастырей церкви, подвижниковъ добродѣтели, дѣятелей христіанскаго просвѣщенія, миссіонеровъ и проч. Типы инородцевъ, среди которыхъ подвизаются наши миссіонеры.

3) Снимки съ картинъ знаменитыхъ мастеровъ христіанскаго искусства какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

4) Картины изъ церковно-бытовой и религіозно-нравственной жизни.

ЦѢНА: 4 руб. за годъ съ перес.; за полгода 2 р. 50 коп. съ п.

Въ приложеніи—1) „Воскресные Листки“: исторія и объясненіе церковныхъ праздниковъ, жизнеописанія Святыхъ и описаніе чудотворныхъ иконъ, чтимыхъ Православной Церковію. 2) Ноты общеупотребительныхъ церковныхъ пѣснопѣній.

Редакторъ-издатель священникъ С. Я. Уваровъ.

Редакторъ, Каѳедральный Протоіерей Анастасій Виноградовъ.

Дозволено цензурою. 17 Ноября 1889 года.

Иркутскъ 1889 г. Типографія А. А Сизыхъ, Больш. ул., д. Гернандтъ.